

Моя жена / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Моя жена / рассказ МОЯ ЖЕНА

Обед подходил к концу. Обедали одни мужчины, женатые, старые друзья, собиравшиеся иногда без жен, по-холостяцки, как в былые времена. Долго ели, много пили, говорили обо всем, перебирали старые, веселые воспоминания, те задушевные воспоминания, от которых губы невольно улыбаются, а сердца трепещут. То и дело слышалось:

– А помнишь, Жорж, нашу прогулку в Сен-Жермен в компании двух девчонок с Монмартра?

– Черт побери! Мне ли не помнить!

И на память приходили всякие подробности, тысячи мелочей, продолжавших забавлять до сих пор.

Заговорили о браке. «Ах, если бы можно было начать сначала!» – заявлял каждый самым искренним тоном. Жорж Дюпортен добавил:

– Прямо невероятно, как легко мы попадаем впросак. Твердо решишь никогда не жениться; но весной едешь в деревню; жарко, лето во всем блеске, кругом цветы; встречаешь у знакомых какую-нибудь девушку... хлоп! – и готово. Глядишь, вернулся уже женатым.

Пьер Летуаль воскликнул:

– Именно так и случилось со мной. Только моя история отличается некоторыми особенностями.

– Ну, тебе-то жаловаться нечего, – прервал его приятель. – У тебя самая прелестная на свете жена, красивая, обаятельная, само совершенство. Ты, конечно, самый счастливый из нас.

Тот возразил:

– Да, но я тут ни при чем.

– Как так?

– Правда, моя жена – совершенство, но женился-то я не по своей воле.

– Неужели?

– Да!... Вот как это случилось. Мне было тридцать пять лет, и я

столько же думал о женитьбе, сколько о том, чтобы повеситься. Девушки казались мне глупыми, и я любил удовольствия.

Однажды в мае я был приглашен на свадьбу моего кузена Симона д'Эрабеля, в Нормандию. Это была типичная нормандская свадьба. За стол сели в пять часов; в десять все еще ели. Случайно меня посадили рядом с мадмуазель Дюмулен, дочерью отставного полковника, молодой блондинкой, весьма бойкой, полненькой, развязной и болтливой. Она целиком завладела мною на весь день, потащила в парк, заставила танцевать и страшно мне надоела.

Я сказал себе: «На сегодня еще ничего, но завтра я удираю. Хватит».

К одиннадцати часам вечера женщины разошлись по комнатам; мужчины остались одни и, покуривая, пили или – если вам больше нравится, – попивая, курили.

В раскрытое окно можно было видеть сельский праздник. Крестьяне и крестьянки кружились в хороводе, горланя песню, которой чуть слышно аккомпанировали два скрипача и кларнетист, взгромоздившись на большой кухонный стол вместо эстрады. Громкая песня крестьян совершенно заглушала звуки инструментов, и жиденькая музыка, не слышная за нестройными голосами, казалось, падала с неба отдельными разрозненными нотами.

Из двух огромных бочек, окруженных пылающими факелами, наливали напитки. Двое мужчин полоскали в лохани стаканы и кружки и тотчас же подставляли их под краны, из которых текла красная струя вина и. золотистая струя сидра. Томимые жаждой танцоры, спокойные старики, вспотевшие девушки толпились вокруг, протягивая руки, чтобы схватить, когда дойдет их черед, первый попавшийся стакан и, запрокинув голову, широкой струей влить в горло излюбленный напиток. На столе лежали хлеб, масло, сыры и колбасы. Время от времени каждый уплетал кусок – другой. Приятно было глядеть на этот простой, шумный праздник под открытым небом, усеянным звездами; хотелось самому пить из пузатых бочек, есть черствый хлеб с маслом и сырым луком.

Меня охватило непреодолимое желание принять участие в этих

увеселениях, и я покинул своих собеседников.

Признаюсь, я был, возможно, чуточку пьян; но вскоре захмелел окончательно.

Подцепив здоровенную, пыхтевшую крестьянку, я заставил, ее плясать что есть силы, пока у меня самого не захватило дыхание.

Затем, осушив стакан вина, я пустился в пляс с другою танцоркой. Чтобы освежиться, я опорожнил затем полную кружку сидра и вновь стал скакать, точно одержимый.

Я был ловок; парни восхищенно смотрели на меня и пытались подражать; все девушки хотели танцевать со мною и тяжеломерно прыгали с грацией коров.

Танец за танцем, кружка вина за кружкой сидра, — и к двум часам ночи я был до того пьян, что не стоял на ногах.

Все-таки сознания я не потерял и решил добраться до своей комнаты. Дом спал, молчаливый и угрюмый.

Спичек у меня не было, а все уже легли. Когда я вошел в переднюю, голова у меня закружилась, и я с большим трудом отыскал перила лестницы. Наконец я случайно нащупал их и уселся на первой ступеньке, чтобы собраться с мыслями.

К счастью, я помнил, что моя комната была на третьем этаже, третья дверь налево. Ободренный этим воспоминанием, я с трудом поднялся и начал восхождение со ступеньки на ступеньку, крепко цепляясь за железные перила, чтобы не упасть, и помышляя лишь об одном — как бы не наделать шума.

Три или четыре раза ноги мои не находили ступенек, и я падал на колени, но благодаря силе рук и напряжению воли не скатывался с лестницы.

Наконец я добрался до третьего этажа и пустился по коридору, ощупывая стену. Вот и дверь; я мысленно отметил: «Первая», но из-за внезапного головокружения мне пришлось оторваться от стены и сделать прихотливый скачок, отбросивший меня к другой стене. Я решил вернуться к прежнему маршруту. Путешествие было долгим и трудным. Наконец я достиг цели и вновь начал осторожно подвигаться вдоль стены, пока не нашел вторую дверь. Для полной уверенности я вслух произнес: «Вторая!» — и пустился дальше. В конце концов нашел я и третью. «Третья, —

значит, моя!» — сказал я и нащупал ключ, торчавший в замочной скважине. Дверь открылась. Как ни был я пьян, но все же подумал: «Раз открывается, значит, я попал к себе» — и, тихонько закрыв дверь, стал пробираться впотьмах.

Я наткнулся на что-то мягкое, оказавшееся креслом, и сейчас же растянулся в нем.

Положение было такое, что мне нечего было упорствовать в поисках ночного столика, спичек и подсвечника. У меня ушло бы на это не меньше двух часов. И, пожалуй, столько же времени потребовалось бы, чтобы раздеться, причем, возможно, успеха я не достиг бы. И я отказался от этого.

Я только снял ботинки, расстегнул жилет, ставший ужасно тесным, распустил пряжку панталон и заснул как убитый.

Наверное, я спал очень долго. Меня внезапно разбудил громкий голос, произнесший рядом:

— Как, лентяйка, ты еще спишь? Да знаешь ли ты, что уже десять часов?

Женский голос ответил:

— Уже? Я вчера так устала!

Пораженный, я спрашивал себя, что означает этот диалог. Где я? Что наделал?

Мой ум был еще затуманен сном.

Первый голос сказал:

— Надо поднять занавески.

Послышались приближающиеся шаги. Растерявшись, я поднялся. Чья-то рука коснулась моей головы. Я сделал резкое движение. Голос сердито крикнул: «Кто тут?» Я молчал. Две сильных руки схватили меня. В свою очередь, и я обхватил кого-то; началась яростная схватка. Мы покатались на пол, опрокидывая мебель, натыкаясь на стены.

Женский голос в ужасе закричал:

— На помощь! На помощь!

Сбежались слуги, соседи, перепуганные дамы. Открыли ставни, раздвинули занавеси. Я боролся с полковником Дюмуленом!

Я спал возле постели его дочери!

Когда нас разняли, я спасся бегством в свою комнату, совершенно обалдев от всего, что случилось. Запершись на ключ,

я уселся, положив ноги на стул, так как мои ботинки остались в той комнате.

В доме слышался шум; двери то открывались, то закрывались; доносился шепот, раздавались быстрые шаги.

Через полчаса ко мне постучали. Я спросил: «Кто там?» Это был мой дядя, отец вчерашнего новобрачного. Я открыл ему.

Он был бледен, взбешен и свирепо на меня напустился:

– Ты вел себя в моем доме по-хамски! Слышишь?

Затем он добавил уже мягче:

– Каким же образом, идиот несчастный, тебя угораздило попасться в десять часов утра? Заснул в этой комнате, как полено! Надо было убраться сейчас же... сейчас же после...

– Но, дядя, – воскликнул я, – уверяю вас, ничего не было! Я просто ошибся дверью, потому что был пьян.

Он пожал плечами:

– Ну, не говори глупостей.

Я поднял руку:

– Клянусь честью!

Дядя возразил:

– Ладно, ладно. По-другому говорить ты и не должен.

В свою очередь, я рассердился и рассказал ему обо всех своих злоключениях. Он глядел на меня, вытаращив глаза, не зная, верить или нет.

Затем он вышел для переговоров с полковником.

Я узнал, что учредили целый трибунал из мамаш, который рассмотрел создавшееся положение со всех сторон.

Через час дядя вернулся, уселся в позе судьи и начал:

– Что бы там ни было, я не вижу для тебя другою выхода, кроме женитьбы на мадмуазель Дюмулен.

Я подскочил от ужаса.

– Ну уж нет, извините!

Он сурово спросил:

– Что же ты думаешь делать?

Я наивно ответил:

– ...Да уехать, как только мне вернут ботинки.

– Не шути, пожалуйста, – возразил дядя. – Полковник решил пустить тебе пулю в лоб при первой же встрече. Можешь быть

уверен, что он грозит не впустую. Я заговорил было о дуэли, но он ответил: «Нет, я просто-напросто застрелю его». Взглянем теперь на вопрос с другой точки зрения. Или ты соблазнил эту девушку, тогда тем хуже для тебя, мой мальчик, ибо с девушками так не поступают. Или ты в самом деле ошибся, будучи пьян, как ты говоришь. А это еще хуже. Нельзя же попадать в такое дурацкое положение! Так или иначе репутация бедной девушки погибла, потому что объяснениям пьяницы никто не поверит. Настоящей и единственной жертвой в этом деле оказалась она. Подумай об этом!

Он удалился, а я крикнул ему вслед:

– Толкуйте, что хотите, но я не женюсь!

Целый час затем я сидел один.

Появилась тетушка. Она плакала. Она приводила всякие доводы. Никто не верил в мою ошибку. Нельзя было допустить, чтобы девушка забыла запереться на ключ в доме, полном гостей. Полковник побил ее. Она рыдала с самого утра. Скандал был ужасный, непоправимый.

И добрая тетушка добавила:

– Попроси все-таки ее руки. Быть может, тебе удастся выпутаться, когда дело дойдет до обсуждения условий брачного договора.

Эта перспектива меня несколько успокоила, и я согласился письменно предложить свою руку и сердце. Через час я уехал в Париж.

На другой день меня уведомили о согласии.

И через три недели, прежде чем я успел придумать какую-нибудь хитрость или отговорку, было сделано оглашение, разосланы пригласительные билеты, подписан брачный договор, и в понедельник утром я очутился в ярко освещенной церкви рядом с плачущей девушкой, объявив перед этим мэру, что согласен взять ее в жены... до смерти одного из нас.

Она ни разу не взглянула на меня до самого вечера, не сказала мне ни слова.

С того дня я еще не видел ее и теперь посматривал на нее искоса с недоброжелательным удивлением. Она была совсем не дурна собой, вовсе нет! И я подумал: «Ну, ей предстоит не

очень-то веселая жизнь».

Среди ночи я вошел в брачный покой, чтобы сообщить ей о своих намерениях, так как теперь хозяином положения был я. Она сидела в кресле, одетая, как днем, бледная, с красными глазами. Поднявшись, лишь только я вошел, она заявила с полной серьезностью:

– Сударь, я готова сделать все, что вы прикажете. Если желаете, я покончу с собою.

Она была очень мила в своей героической роли, эта дочь полковника! Я поцеловал ее, так как имел на это полное право.

Вскоре я обнаружил, что меня не обокрали.

Вот уже пять лет, как я женат. И ни капли об этом не жалею.

Пьер Летуаль умолк. Его собеседники смеялись. Один из них сказал:

– Брак – это лотерея: никогда не надо выбирать номера; самые лучшие – взятые случайно.

Другой добавил в заключение:

– Да, но не забудьте, что за Пьера выбирал бог пьяниц.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 5 декабря 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.

Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Валентина Дмитриева. Neкаýalar